

Женя Черняк

КУЛАК

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ч-49

Черняк Ж.

Ч-49 Кулак / Женя Черняк – М.: Литнет, 2025. – 224 с.

ISBN 978-5-521-94026-4

1930 год. Глубинка России. Село Большая Гривна, где под гнётом коллективизации рушатся судьбы, а по ночам шепчутся старые стены бывшей церкви, превращённой в клуб. Андрон Кулаков зажиточный крестьянин, чья жизнь перемалывается жерновами новой власти. Любимая женщина, выданная за другого. Семья, расстрелянная на болотах. Собственное имя, ставшее клеймом. Когда его, полумёртвого, бросают в сибирском лесу, сама тьма протягивает ему руку, и он хватается за неё, чтобы вернуться. Но каким? Теперь он не живой, не мёртвый. Сгусток ярости и боли, жаждущий мести. В его глазах горят огни погибшей деревни, а за спиной лишь пепел и кровь. Он вернётся в родное село в ночь свадьбы своей бывшей возлюбленной Арины и комиссара Воронцова — того самого, кто подписал смертный приговор его семье. "Кулак" — это не просто история о вампирах. Это потрясающий микс: ? Драма раскулачивания — жёсткая, беспощадная, как архивные документы. ? Мистика русской деревни — вурдалаки из сказок бабки Арины оживают и требуют расплаты. ? Любовный треугольник на фоне апокалипсиса — Арина между долгом и страстью, между мужем и монстром. ? Философская глубина — что делает человека чудовищем? Боль? Ненависть? Или сама система, превращающая людей в палачей и жертв? Готовы ли вы узнать, чем закончится эта кровавая жатва?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94026-4

© Литнет, 2025
© Ж. Черняк, 2025

Глава первая

Весна 1930 года пришла в село Большая Гривна поздно, словно нехотя, будто сама природа сопротивлялась наступлению нового цикла. Холодные утренники сковывали землю ледяной коркой. Ветер, гулявший по улицам, нёс с собой запахи оттаявшей грязи, дыма из печных труб и кисловатого духа навоза, который уже начал оттаивать по краям дворов. Дороги, изъеденные колеями, превратились в месиво чёрной жижи, и редкие прохожие, пробираясь между лужами, кряхтели и сплёвывали сквозь зубы.

Андрон Кулаков шагал по селу тяжело, широко расставляя ноги в грубых, пропахших потом и дёгтем сапогах. Он был высок, широк в плечах, и его фигура, чуть согнутая от постоянной работы, выделялась среди других мужиков. Руки его, даже в покое, оставались сжатыми в кулаки, будто привыкли лишь к труду да к драке. Лицо, обветренное и тёмное от солнца, не назвать было красивым, но в нём читалась сила. Тяжёлый подбородок, густые брови, тёмные глаза, смотревшие прямо и жёстко.

Он возвращался с базара, где с утра торговал мясом. В кармане его зипуна позвякивали монеты. Выручка была неплохой, хотя и меньше, чем в прошлые годы. Теперь, когда по селу ходили разговоры про колхозы и раскулачивание, народ прижимал деньги, боялся лишнее потратить. Да и сам Андрон чувствовал, как что-то недоброе витает в воздухе, будто туча перед грозой.

Дом его стоял на отшибе, большой, крепкий, под тёмной соломенной крышей. Во дворе копошились куры, у сарая стояла телега с разобранной упряжью, а из хлева доносилось глухое мычание коровы. На крыльце, обхватив колени руками, сидела Устина — его жена.

Она была женщиной крепкой, ширококостной, с руками, знавшими любую работу. Лицо её, когда-то румяное и полное, за послед-

ние годы осунулось, стало жёстким, а в глазах поселилась усталая покорность. Увидев мужа, она молча поднялась, отряхнула подол и без слов двинулась в сени ставить самовар.

– Продал? – спросила она уже внутри, раздувая угли в печи.

– Продал, – коротко бросил Андрон, скидывая зипун.

– Много ли выручил?

– Хватит. На первое время уж точно, а там посмотрим.

Она ничего не ответила, только губы её слегка дрогнули. Они давно уже разучились говорить по-доброму. Женили их родители, свели два хозяйства, и с той поры Устина рожала ему детей, доила коров, месила хлеб, а он пахал, сеял, рубил мясо на продажу. Жили, как жили все вокруг, но в последнее время Андрон всё чаще ловил себя на мысли, что смотрит на жену, как на чужую.

– Опять молчишь, – сказала Устина, ставя на стол чугунок с щами. – Словно я тебе не жена, а работница.

– А что говорить-то? – огрызнулся Андрон. – Дела обсуждать? Так они одни и те же. Земля, скотина, налоги. А сплетни какие, так это тебе точно не ко мне.

– Не про дела, – она села напротив, устало потирая ладонью лоб. – Вон у Марфы с Петром хоть разговоры бывают. Про жизнь, про то, что в городе слышали...

– Ну и что с того? – Андрон хмуро ковырял ложкой в миске. – Разговорами сыт не будешь.

– А душу ими согреешь, – тихо сказала Устина.

Он посмотрел на неё, на её красные, обветренные руки, на глубокие морщины у рта, и вдруг почувствовал что-то вроде вины. Но тут же отогнал это чувство.

– Душа... – проворчал он. – Какая у мужика душа? Есть работа, есть хлеб на столе, да и то слава Богу.

– Бог-то теперь не в чести, – усмехнулась Устина. – Теперь новые святые пошли. Помню время, всей семьёй по воскресеньям в церковь ходили, молились, душу выворачивали. А теперь вместо церкви клуб сделали. Народ пляски устраивает.

Андрон нахмурился.

– Ты это брось. Мало ли как чего поменялось. Про такое сейчас говорят в полголоса, да и то по сторонам глядят.

– Говорят-то много, – вздохнула она. – Да только от слов этих уже кулаков по волостям вывозят.

Он резко стукнул ложкой по столу.

– Хватит! Нечего дурь-то слушать.

Устина замолчала, но в её глазах читалось что-то тяжёлое, будто она знала больше, чем говорила.

После обеда Андрон вышел во двор, сел на заваulinку и закурил. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая крыши изб в багровые тона. Где-то вдаль кричали дети, доносился лай собак.

Он сидел и думал о том, что жизнь его, казалось бы, налажена. Есть дом, хозяйство, семья, люди уважают. Но внутри было пусто.

И тут он вспомнил её. Арину.

Арина была дочерью бедняка Семёна Безденежного, жившего на краю села в покосившейся избе. Впервые он заприметил её месяца три назад, но не тут, не в Новой Гривне, а на базаре. Худенькую, в выцветшем платье, с большими серыми глазами. Но сегодня утром, проходя мимо колодца, он увидел, как она, налегая всем телом, пыталась вытянуть ведро, и не смог пройти мимо.

– Давай помогу, – сказал он, подходя.

Она вздрогнула, обернулась, и он увидел, как по её лицу пробежала тень испуга.

– Спасибо, – прошептала она, отступая.

Андрон легко вытянул ведро, потом второе, взвалил их на коромысло.

– Далеко нести?

– До края села, к отцу.

– Подвезу, – коротко сказал он и, не дожидаясь ответа, поставил вёдра в свою телегу.

Она шла рядом, молчаливая, опутив глаза. Андрон украдкой

разглядывал её тонкий нос, светлые ресницы, губы, сжатые от смущения.

– Как звать-то тебя? – спросил он нарочито грубовато.

– Арина.

– А я Андрон.

– Знаю, – тихо ответила она.

– Ну да, вся Большая Гривна меня знает, – хмыкнул он.

– Знают, да не все добром поминают, – неожиданно сказала она.

Андрон насторожился.

– Это почему же?

– Говорят, с Кулаковыми лучше не спорить, особенно со старшим Андроном. Быстро зубы пересчитает, если что. А ещё говорят, у тебя земля лишняя. Что на других не хватает.

– Земля моя по праву, – нахмурился он. – Я её пахал, удобрял, пот потом заливал.

– А у моего отца земли нет, – сказала Арина. – Только огород.

– Ну так пусть работает! Как большевики пришли, да барина сбросили, все равные стали. Разве нет? – огрызнулся Андрон.

– Так он работает. Да только кому теперь нужен бедняк? – она посмотрела на него прямо, и в её глазах было что-то такое, от чего у Андрона ёкнуло внутри.

Они дошли до её дома, покосившейся избы с провалившимся углом. На крыльце сидел её отец, Семён, худой, с впалыми щеками, курил самокрутку и косо посмотрел на подъехавшего соседа.

– Спасибо, – ещё раз сказала Арина, забирая вёдра.

– Не за что, – буркнул Андрон, но не уезжал, смотрел, как она несёт воду в дом.

– Чего уставился? – вдруг резко спросил Семён. – Женатый мужик, а глаза пялишь.

Андрон нахмурился.

– Помог девке воду привезти, вот и всё.

– Помощь твоя не нужна, – проворчал старик. – У нас с тобой пути разные.

– Какие такие пути? – рассердился Андрон.

– Ты – кулак. А я – бедняк. Скоро, глядишь, и вовсе не ровня нам будет.

Андрон хотел что-то ответить, но сдержался, только крутанул поводья и тронул лошадь. Но даже уезжая, он чувствовал, как что-то новое, тёплое и тревожное, заползло ему в грудь. А слова старика пролетели мимо. Это при царе кулаки были, ростовщики да торгаши, а он-то свой, крестьянин. Потому не придал болтовне старого особого значения.

Вечером, лёжа на полатах рядом с храпящей Устиной, он думал о серых глазах Арины, о её словах, о том, как несправедливо устроен мир. И о том, что завтра снова пойдёт к колодцу.

Глава вторая

Первый петух прокричал ещё затемно, когда восток только начал сереть за краем соломенной крыши. Андрон проснулся от этого звука, словно от толчка, и сразу же почувствовал, как в висках стучит усталость. Вчерашний день выдался тяжёлым, а ночь прошла беспокойно, в обрывках снов, где мелькали то серые глаза Арины, то угрюмое лицо её отца.

Он потянулся. Кости хрустнули, и тут же с другой стороны печи раздался сонный голос:

– Уже встаёшь?

Устина лежала, отвернувшись к стене, но по напряжённым плечам было видно, что она не спала.

– К отцу еду, пахать, – коротко бросил Андрон, натягивая порты.

– Возьми Мишку с собой.

– И так возьму.

Он вышел во двор, где воздух ещё держал ночную свежесть, и глубоко вдохнул, чувствуя, как лёгкие наполняются сыростью и запахом конского навоза. Лошадь, заслышав шаги, зашевелилась в стойле в ожидании корма.

– Пап, я запрягаю? – из темноты вынырнул девятилетний Мишка, уже одетый, с торчащими в разные стороны волосами.

– Давай, только сперва овса ей дай, – кивнул Андрон.

Пока сын возился у конюшни, он сам зашёл в сарай, вытащил плуг, провёл ладонью по зазубренному лемеху – надо бы точить. Потом взял вёдра, подошёл к колодцу. Вода была ледяной, он умылся, смывая остатки сна, и тут же услышал за спиной голос:

– Рано нынче поднялся.

Это была Устина, стоявшая на крыльце с миской тёплого молока.

– Земля ждёт, – отозвался он, принимая миску.

– Ждёт... – она посмотрела куда-то за его спину, туда, где над крышами уже розовел восток. – А вдруг и не твоя она скоро будет?

Андрон резко поднял глаза:

– Ты опять за своё?

– Не я за своё, а люди говорят.

– Люди болтают много чего, – он допил молоко и сунул миску обратно в её руки. – А земля моя.

Мишка уже запряг лошадь, и вскоре они выехали со двора, оставляя за спиной Устину, неподвижно стоявшую у ворот.

Дорога к отцовскому полю шла через всё село, мимо покосившихся плетней и огородов, где кое-где уже копошились ранние хозяйки. Солнце поднималось выше, и свет его, пока ещё косой, золотил верхушки изб.

На развилке, где тропа уходила к реке, их телега неожиданно столкнулась с другой, совсем старой, скрипучей, запряжённой тощей клячей. В ней сидел Семён Безденежный, а рядом, отвернувшись, примостилась Арина.

Андрон сразу узнал её по тонкому силуэту, по платку, сбившемуся набок. Он хотел было окликнуть, но Семён уже мрачно кивнул:

– Проезжай.

– Дорога широкая, – ответил Андрон, но всё же придержал лошадь.

В этот момент Арина случайно обернулась, и их взгляды встретились. Она быстро опустила глаза, но он успел подмигнуть ей быстро, так, чтобы не заметил отец.

– Ты чего это? – Семён нахмурился, заметив движение.

– Ветер, пыль в глаз, – буркнул Андрон и тронул лошадь.

Но даже проехав уже несколько десятков саженой, он чувствовал на спине неодобрительный взгляд старика.

Отцовский участок был одним из самых больших в округе. А было там точно пять десятин хорошей земли, ровной, как ладонь. Когда Андрон подъехал, работа уже кипела. Два его брата, Иван и Фёдор, скирдовали прошлогоднюю солому, а сам старик Кулаков, согнутый, но ещё крепкий, размечал борозды.

– Опоздали, – встретил он сына.

– Петухи ещё спали, как мы выехали, – огрызнулся Андрон, слезая с телеги.

– Петухи спят, а земля не ждёт, – проворчал старик, но в глазах мелькнуло одобрение, ведь он любил, когда сыновья приходили вовремя.

Пока Мишка бегал к дядьям, Андрон скинул плуг, начал проверять упряжь.

– Слышал новости? – подошёл Иван, старший брат, широколицый, с хитрыми глазами.

– Какие ещё новости?

– Из города пишут – нового комиссара прислали. Молодого, рьяного.

– Ну и что?

– А то, что теперь у нас порядки наводить будут, – Иван понизил голос. – Колхозы организовывать.

Андрон замер, чувствуя, как в животе холодеет.

– Кто сказал?

– Да все говорят. В волости уже списки составляют, кто в колхоз идти должен.

– Не пойду, – резко сказал Андрон.

– Ты-то не пойдёшь, а тебя заставят, – в разговор вмешался Фёдор, младший, всегда более осторожный. – У тебя земли много, скота. Ты им как бельмо в глазу.

– Земля-то моя! – Андрон ударил кулаком по телеге. – Я её кровью полил!

– Твоя, да не твоя, – раздался голос отца. Все обернулись. Старик стоял, опираясь на палку, и его лицо было серьёзным. – Теперь земля государственная. А мы на ней так, работники.

– Не может этого быть! – Андрон чувствовал, как гнев поднимается к горлу. – Мы же...

– Мы ничего, – перебил отец. – Время теперь такое. Кто против -того и раскулачат.